

СТАНОВЛЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

**М.А. Супатаев. К ПРОБЛЕМАТИКЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА
К ПРАВУ: ОЧЕРКИ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ.**

М.: Юрлитинформ, 2012. 144 с.

Краткая аннотация: в рецензии анализируется концепция цивилизационного подхода к праву, изложенная в монографии М.А. Супатаева, поддерживается необходимость его использования в юридической науке с учетом его специфики, проявляющейся во взаимодействии с другими исследовательскими подходами и в системе свойственных ему конкретных технологий, адаптированных к исследованию правовой реальности.

Annotation: in a review succinctly analyses the concept of the civilizational approach to the right, set out in the monograph M.A. Supataev, supported the need to use it in legal science, taking into account its specificity, which is manifested in collaboration with other research approaches and in the system of its specific technologies, adapted to the study of legal reality.

Ключевые слова: цивилизация, субъект цивилизационного развития, цивилизационный подход к праву, исследовательская парадигма, цивилизационная среда, право и неправое, кросс-культурное исследование.

Key words: civilization, the subject of civilization development, the civilizational approach to the law, the research paradigm, the civilizational environment, law and unlaw, cross-cultural study.

В современном правовом познании господствуют многочисленные специфические подходы к исследованию государственно-правовой действительности и самого процесса правового познания, каждый из которых прошел или проходит этапы: первоначальный, абсолютизации, трезвой оценки, осознания реальной ограниченности его возможностей, формулируемых недостаточно конкретно, что приводит к появлению интегративных подходов, которые кажутся выходом из положения, но на самом деле тоже оказываются весьма ограниченными вследствие несовместимости подходов, подлежащих интеграции. Такая ситуация, как нам представляется, связана прежде всего с забвением роли диалектики в правовом познании, полным сущностным отсутствием данной проблематики в нем, что сохраняет ситуацию конкурирующих взаимодействий методологических подходов в познании права. Появление нового подхода является кратковременным восполнением существующих и осознаваемых проблем в правовом познании. Познавательная потребность в сложившихся подходах остается, так как они позволяют изучить отдельные грани правовой действительности, которые наиболее адекватны их инструментальной вооруженности. Поэтому ни один из исследовательских подходов не исчезает бесследно, периодически претендуя на исключительную роль в правовом познании.

При этом практически не разрабатываются исследовательские технологии, позволяющие продемонстрировать реальное содержание и возможности отдельных подходов. Как нам представляется, с этих позиций следует подходить к характеристике новой исследовательской парадигмы в праве, получившей убедительное обоснование в недавно вышедшей работе известного отечественного ученого-юриста М.А. Супатаева “К проблематике цивилизационного подхода к праву: очерки общей теории и практики”.

Цивилизационный подход широко применялся и применяется в других науках, но в юридической науке пока еще

не обрел права гражданства. Необходимость разобраться в причинах отставания юридической науки в использовании данного подхода, определение его реальных возможностей в познании права представляют большой теоретический и практический интерес.

Автор монографии отмечает созданные в отечественной юридической науке предпосылки для обоснования и реального применения цивилизационной парадигмы. К ним относятся предшествующие исследования правовой сферы на основе “человеческого измерения”, труды по антропологии права и его ценностному его познанию. К ним можно было бы добавить хотя и относительную, но все же исчерпанность применявшихся до настоящего времени исследовательских парадигм в рамках формационного подхода к анализу государства и права, неудачные попытки синтезировать или совместить цивилизационную и формационную парадигмы исследований.

Фундаментальное значение для правильного понимания авторского подхода к анализу цивилизационного подхода к праву имеет четко проводимое им различие названных выше исследовательских парадигм.

1. Примату экономики в структуре и динамике развития общества, формировании и развитии права, характерному для формационного подхода, в цивилизационном подходе противостоит первенство духовной сферы, системы цивилизационных ценностей, определяющих мотивацию человеческой деятельности. Речь идет о культурно-цивилизационном “базисе” общества, над которым возникают и развиваются различные общественно-политические, социально-экономические и правовые институты. Их конкретный вид детерминирован этим базисом.

2. Линейно-прогрессивной траектории развития общества, присущей формационному подходу, противопоставляются циклично-генетические закономерности развития обще-

ства и права, рассматриваемые не как отклонения от нормы, а в качестве “самой нормы”.

3. Разный подход к периодизации истории человечества не как к последовательной смене формаций, что свойственно формационному подходу, а как к закономерному развитию ряда базовых цивилизаций, цивилизаций-спутников и гибридных цивилизаций, возникших на перекрестках мощного поля соседних цивилизаций. Данные подходы принципиально различаются представлениями о будущем человечества. Формационный подход как окончательное торжество исповедуемого идеала (коммунистического общества) либо капиталистической экономики и западной демократии (либерализм). Цивилизационный подход отстаивает сохранение цивилизационного многообразия.

По нашему мнению, к особенностям цивилизационного подхода к праву следует также отнести признание односторонности классового и индивидуалистического подходов к исследованию права, сторонники которых настаивают на их универсальности, способности полностью выявить его сущность.

Ограниченность классового подхода к праву обнаруживается в том, что оно рассматривается как проявление свободы и справедливости по отношению не ко всем классам общества, а только к господствующему классу. И с этой точки зрения одна из разновидностей неправа объявляется правом. При этом свобода и справедливость также должны носить классовый характер, т.е. быть несвободой и несправедливостью по отношению к другим классам.

В этом проявляется диалектика права и неправа, возможность их взаимоперехода. По этой диалектике из развития неправа рождается подлинное право и наоборот. В понимании права, отражающем такой характер правового развития, обязательно должны анализироваться не только право и неправое в их обособлении и противопоставлении, но и переходы от одного к другому, что крайне актуально для обеспечения подлинно правового развития общества. Однако неправое и переходы от права к неправу и обратно не стали самостоятельным предметом исследования в отечественной науке, в связи с чем попытки определить право по большей части остаются безуспешными.

Опираясь на эти предпосылки, М.А. Супатаев разрабатывает систему фундаментальных понятий цивилизационного подхода к праву: понятие цивилизации, субъект цивилизационного развития, содержание и формы теоретического и практического проявления цивилизационного подхода. Здесь следует отметить новаторство его подходов к определению названных понятий, при определении которых автору удается с предельной четкостью ответить на поставленные вопросы.

Надо отметить, что, несмотря на крайне скромные и осторожные оценки автором своего вклада в становление цивилизационного метода в отечественном правоведении, данная работа знаменует реальное вхождение этого метода в методологический арсенал отечественной юриспруденции, отражая первый серьезный шаг в ее становлении.

Такое заявление справедливо, поскольку в трудах даже известных отечественных ученых, изданных в последнее время и посвященных методологической проблематике¹, характеристика такого метода отсутствует, хотя его “дыхание в спину” вполне ощущается.

Одним из важнейших аспектов цивилизационного подхода к праву, анализируемых в монографии М.А. Супатаева, является игнорируемая при формационном подходе первенствующая роль цивилизационной среды в формировании и реализации права, в определении его структуры, функций, принципов, содержания правовых конструкций и т.п.

В противоположность формационному подходу при решении данных вопросов с его абсолютизирующей ролью материальных факторов, и прежде всего материального производства и экономического развития, М.А. Супатаев отмечает роль социальных ценностей, в том числе и правовых, религии, идеологии и нравственности в процессах формирования и реализации права, имеющую тенденцию к постоянному усилению, особенно по мере удовлетворения потребностей членов общества в материальных благах, отражающую возрастание роли духовного производства в жизнедеятельности общества.

С этой точки зрения оценивается индивидуалистическая концепция прав и свобод человека, объясняется крах либеральных подходов к модернизации российского общества, государства и права, чем подчеркивается объективная необходимость сбалансированного решения назревающих проблем общественного развития, невозможного при игнорировании требований цивилизационного подхода. В этой связи анализируется проблема соотношения традиционности и заимствования в решении проблем модернизации в современной России, опирающихся на богатый опыт таких модернизаций в странах Африки, Индии, Китае и др. В сопоставлении с этим опытом автором обозначаются болевые точки российской модернизации и актуальные проблемы ее осуществления в России в условиях глобализации.

Автору удалось убедительно доказать, что цивилизационный подход в его практическом применении к анализу правового развития следует рассматривать не с точки зрения того, лучше он или хуже, чем другие, уже сложившиеся подходы, а с точки зрения объективной необходимости его использования для получения знаний, требующихся для оптимального правового развития в современных условиях, так как другие имеющиеся подходы не дают таких знаний. В связи с этим важно обратить внимание на характеристику одного из способов реализации цивилизационного подхода, называемого автором монографии кросс-культурным исследованием.

Цивилизационный подход позволил автору выделить ряд болевых точек в правовом развитии России в прошлом и настоящем, предложить весьма полезные рекомендации по их оздоровлению.

Автор отмечает особую неустойчивость цивилизационного ядра, осмысливаемого в категориях “свободы и справедливости”, весьма зависимого от прочности баланса между восточной и западной ориентациями, несоблюдение которого приводило к серьезной инверсии, означавшей “маятниковые качания” без существенного собственного правового развития и приводившей к резкой полярности социокультуры и законодательства, инверсионность которого ярко проявилась как в эпоху Петра I, так и в современную эпоху как “крах радикального либерализма”. Драматизм и даже трагичность современной российской политико-правовой ситуации М.А. Супатаев видит в несформированности до сих пор стабилизирующих цивилизационных механизмов, “стремящихся прервать томящий дух перепады, скачки, резкую полярность социокультуры и законодательства” (с. 93), несмотря на духовные традиции, отдающие приоритет социальной справедливости как общему благу, духовно-нравственному

¹ См.: Сырых В.М. История и методология юридической науки М., 2012; Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2011.

согласию индивида с общественными и общественно-государственными ценностями.

Возникает вопрос: что же является причиной несформированности названных выше механизмов, соответствующих традициям российских народов, на ком вина в поляриности социокультуры и законодательства. Ответ лежит на поверхности – на авторе законодательства, которым в России всегда выступало государство. Нетрудно догадаться, что названный выше разлад стал результатом деятельности Российского государства, постоянно прибегавшего к инверсии, фактически препятствовавшего органичному правовому развитию России, которое все же происходило, как это показывает практика реализации, например, крестьянской реформы во второй половине XIX в.², когда в массовом масштабе на сельских сходах крестьяне принимали решения в соответствии с обычным правом крестьян, а не реформаторским законодательством.

Нельзя не отметить, что наряду с отмеченными выше верными выводами автор не смог избежать отдельных мифологем, которые были внедрены в науку и общественное сознание россиян относительно цивилизаторской миссии Российской Империи, а затем и советской власти. В частности, на с. 103 автор утверждает, что «политика России в отношении северокавказских народов не была похожа на политику колониальных империй Запада. Она не исказила логики развития этих народов, особенно в том, что касается права, что делало Российскую Империю неким подобием и продолжением первого и второго Рима, придавало ей огромный масштаб и длительную устойчивость. Это, в частности, выразилось в узаконении имперскими органами власти (в рамках, по сути, унитарного государства) обоих, сложившихся с далекой древности правовых образований – адатов (обычное право) и мусульманского права» (с. 103).

По мнению автора, они (адаты и мусульманское право) составляли часть российской правовой действительности, разделяя с ней исторические судьбы. Со второй частью этого тезиса можно согласиться, если иметь в виду отмену законодательства Российской Империи советской властью, но и последняя, точно так же, как и первая, сначала поддержала адат и шариат, а затем, укрепившись, отменила их, окончательно закрепив в уголовных кодексах остатки обычно-правовых институтов как преступления.

С утверждением российской власти на северокавказских землях прекращалось национальное органичное правовое развитие населявших ее народов. Адаты и мусульманское право переставали существовать как правовые системы, отдельные их институты, к которым как правило, безразлично, относится любая колониальная власть, продолжали действовать определенное время, но в рамках новой (нетрадиционной) судебной системы под руководством назначаемых военным начальством офицеров императорской армии и на основе принципа коррелятивности.

Такая трактовка российской колонизации Кавказа не учитывает специфических особенностей включения отдельных народов в состав Российской Империи. Если она и применима в известном относительном смысле к отдельным народам Кавказа, то нуждается при этом в дополнительных обоснованиях и не является общепризнанной даже среди ученых – представителей этих народов. Что же касается народов Северо-Западного Кавказа, она просто не выдерживает никакой

критики. Народы Северо-Западного Кавказа до последней возможности боролись за независимость, но не смогли сохранить своего политико-правового строя, интенсивно развившегося даже во время кавказской войны.

Одной из причин преобладания подобных взглядов на процессы колонизации Россией Кавказа, по нашему мнению, как раз и является неиспользование учеными цивилизационного подхода при анализе сложнейших периодов развития Российского государства и его взаимодействия с вошедшими в его состав народами в процессе как вхождения, так и длительного пребывания в его составе. Это обстоятельство особенно досадно, поскольку в рецензируемой монографии содержится анализ такого важнейшего способа исследования в рамках цивилизационной парадигмы, как кросс-культурные исследования. Опыт их проведения в других странах, анализируемый автором монографии, убедительно свидетельствует о необходимости его скорейшего адаптирования к российской проблематике.

Очевидно, что здесь важны дифференцированный подход и введение в научный оборот необходимого числа документов, подтверждающих его обоснованность³.

Вопрос о предпосылках формирования и развития цивилизации в России требует тщательного изучения, особенно в современную эпоху, ибо сейчас очевидно (и мировой опыт это подтверждает), что неотъемлемой составляющей конкурентоспособности того или иного общества наряду с материальным производством являются уровень развития духовно-нравственного производства и их взаимопроникновение. Цивилизационные ценности не следует отделять от ценностей, ведущих к созданию материальных благ, ибо они составляют единый процесс полной человеческой жизни, в ходе которой они могут дополнять и формировать друг друга. Но несомненно гигантская разница между производством материальных благ как самоцелью и материальным производством, функционирующим под решающим воздействием цивилизационных ценностей. Интересный материал на эту тему представлен в рецензируемой монографии при характеристике модернизационных процессов в Индии, Китае и Японии.

Это, разумеется, не отменяет выделяемых М.А. Супатаевым цивилизационных ценностей, но оттеняет проблемы их формирования в реальном обществе с его реальными проблемами. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что формирование цивилизационных ценностей происходит в той или иной форме в любом обществе. Социальной доминантой в масштабах всего общества они могут стать в меру удовлетворенности потребительских свойств человека, в очеловечивании которых они всегда участвуют в той или иной мере, что вовсе не исключает возможности и прямого регулятивного, даже определяющего, воздействия их (цивилизационных ценностей) на деятельность не только индивидов, но отдельных общностей и общества в целом.

Важное место в работе занимает проблематика прав и свобод человека, которая в последние десятилетия получила в отечественной науке и российском законодательстве безусловно приоритетное значение в ее западноевропейской трактовке. Отдавая должное такому подходу к правам человека, М.А. Супатаев справедливо обращает внимание на существование и других трактовок прав и свобод человека (восточная, конфуцианская, религиозно-нравственная). Трудно не согласиться с его основным выводом по вопросу

² См.: Шатковская Т.В. Правовая природа российской модернизации и агродеспотии первой четверти XX в. Проблемы модернизации российского права. Ростов/н/Д., 2012.

³ См., например: Антология памятников права народов Кавказа. Т. 1–11. Ростов-н/Д., 2009–2012.

о том, что сугубо индивидуалистическая западноевропейская трактовка прав человека не является традиционной для России, где характерны общественное и индивидуальное правосознание, основывавшееся на идее правды, справедливости, приоритете общего блага и служения обществу и государству, опиравшееся на определенное соотношение прав и обязанностей человека и, в отличие от указанной выше индивидуалистической трактовки прав и свобод человека, на недопустимость приоритета индивидуальных прав перед обязанностями человека.

Отсюда берут свое начало трактовки свободы и справедливости применительно к российскому опыту правового развития. По мнению М.А. Супатаева, с которым трудно не согласиться, правда и справедливость, понимаемые с точки зрения отмеченного выше российского опыта правового развития, и выражают подлинную сущность права, которая должна разворачиваться как основа цивилизационной парадигмы модернизационных процессов в современном российском обществе, государстве, праве.

Признавая недопустимость абсолютизации прав и свобод человека как индивида, которая была неизбежна на первых этапах своего становления, следует все же признать историческую обоснованность таких прав в качестве относящихся к высшим человеческим ценностям, выражающим достоинство человека как самостоятельного члена общества. Такая позиция получила обоснование в ряде фундаментальных работ. Ее самоценность не может быть опровергнута неудавшимся опытом ее реализации в России.

Речь идет о том, что права и свободы человека как индивида, бесспорно, являются одной из важнейших цивилизационных ценностей, но они существуют не изолированно от других разновидностей прав и свобод человека, а в гармоничной связи с правами различных социальных общностей, получившими общее наименование коллективных прав. Системность прав включает согласование всех разновидностей прав человека как через установление запретов, ограничений, стимулов и поощрений, так и через определение их оптимального соотношения с обязанностями, что отражено уже в ряде исследований. Кроме того, вряд ли обоснованно всю западноевропейскую юридическую литературу по правам человека рассматривать только через призму индивидуалистической концепции.

Внимательный анализ законодательства западных стран позволяет расширить названную выше трактовку прав человека. Несомненно только то, что резкая, можно сказать, неожиданная для общества ориентация называвших себя сторонниками либеральных ценностей представителей постсоветской публичной власти на индивидуалистическую концепцию прав человека, на отрицание государственной идеологии и политики в правовом развитии России, хотя и эффектно потрясла политическое и правовое сознание россиян, обеспечила конституционное закрепление прав и свобод человека преимущественно в их индивидуалистической трактовке, но вряд ли преуспела в их осуществлении.

В этой связи можно согласиться с автором рецензируемой монографии в его общей оценке результатов преобразований последних десятилетий в России как “краха радикального либерализма”.

Один из важнейших результатов применения в познании права нового, в данном случае цивилизационного, подхода – появление новых юридических терминов и понятий, свидетельствующих о формировании и развитии юридического языка, степень развитости которого выступает важнейшей характеристикой реального состояния юридической науки.

Традиционная форма его становления, которую можно опделить как юридизацию понятий, сложившихся в других отраслях науки, философских, экономических, социологических, психологических и др., не есть, к сожалению, проявление высокого уровня ее самостоятельности.

Правовое познание как понятие отражает особенности формирования юридического языка, происходящего путем юридизации философских, экономических, психологических, естественнонаучных и т.п. понятий. Понятие “познание” не является юридическим, но, добавив к нему термин “правовое”, нам кажется, что мы получили юридическое понятие. Этот вывод лежит на поверхности: к понятиям “норма”, “отношение”, “ответственность”, “деятельность”, “конструкция”, “механизм”, “пространство”, “время”, “собственность” и т.д. мы добавляем, соответственно, термины “право” или “юридический” и получаем “норма права”, “правоотношение”, “юридическая ответственность” и т.д.

Да и сами понятия “право”, “юриспруденция” сформулированы и “подарены” юристам другими науками. Есть основание сомневаться, что определяемое при этом содержание является правовым или юридическим, а последние отражают их специфическую форму. Очевидная нестыковка в трактовке категорий содержания и формы, которые в этом случае не приобретают необходимого единства, нас не смущает.

Сказанное дает основание для постановки вопроса о том, существует ли юридический язык, на каком языке осуществляется познание правовой юридической сферы жизни общества и зависят ли результативность юридической науки и качество познавательной деятельности от состояния и развитости особого языка данной отрасли науки.

То же самое происходит и в случае с цивилизационным подходом. Наиболее близкие к нему понятия из действующего современного лексикона юридической науки, например правовая культура, правосознание, правовые чувства, правовая идеология и т.п., вполне идут в русле этой традиционной формы. И здесь специфика цивилизационного подхода теряется в системе неюридических понятий, которые не в состоянии в полной мере раскрыть подлинную природу правовых явлений.

В этой ситуации можно усмотреть одну из причин неэффективности юридической науки в целом. Речь, разумеется, не идет о выстраивании стены между науками для обособления их друг от друга, но многообразие наук трудно представить себе без многообразия языков, обладающих определенной спецификой. Такая постановка вопроса выводит нас на проблему структуры знания и уровней его функционирования. Одним из аспектов этой проблемы является решение вопроса о том, к теориям какого уровня относится общая теория права и теории отраслевых юридических наук, какого уровня общая теория права может обеспечить естественное “включение” юридических наук в общую понятийную “кладовую” современного научного языка.

Все эти проблемы также требуют своего решения.

В заключение, оценивая рецензируемую монографию весьма скромного, но фундаментального труженика российской юридической науки, следует подчеркнуть, что она по праву является изложением основ цивилизационного подхода к праву.

Д.Ю. Шапсугов, директор Южного филиала Института государства и права РАН, Центра правовых исследований ЮРИФ РАНХ и ГС при Президенте РФ, доктор юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ (E-mail: shapsugov@yandex.ru)